

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МНЕНИЕ ИСТОРИКА:
ВЛИЯНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
НА СУДЬБЫ РОССИИ В XX В.

*Центральная власть и земские люди
в Московском государстве*

Записные книги «всяких дел»

Местный торг Суздаля в XVII в.

Банковский кредит в пореформенной России

А.А. Микулин: судьба интеллигентного чиновника

Несостоявшиеся дуэли П.Н. Милокова

Григорий Распутин на страницах провинциальной прессы

Как создавали «Сухомлиновскую комиссию»

Повседневная жизнь революционных трибуналов

Следственный подлог как инструмент террора

Наркоматы и децентрализация в годы войны

Секретное положение о КГБ

МОСКВА

4
июль
август
2018

Несостоявшиеся дуэли П.Н. Милюкова

Андрей Иванов

Failed dueling of P.N. Miliukov

Andrey Ivanov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870000138-2

Лидер Конституционно-демократической партии и её фракции в Государственной думе П.Н. Милюков был убеждённым противником разрешения политических и личных конфликтов с помощью дуэли¹. Как и большинство представителей российской интеллигенции начала XX в., чуждых дворянских предрассудков, он полагал, что «дела чести» должны решаться не у барьера, а в судебных инстанциях. Однако это не помешало ему оказаться в центре ряда дуэльных скандалов, один из которых вполне мог закончиться трагически. Более того, Павел Николаевич умудрился поставить своеобразный рекорд: никто из российских парламентариев не мог похвастаться тем, что в течение всего лишь пяти—шести месяцев ему грозило несколько дуэльных вызовов.

В январе 1908 г. Милюков, руководивший тогда думской оппозицией, совершил краткосрочный визит в США, в ходе которого выступил с лекциями о политическом положении России. Первая из них была прочитана в нью-йоркском Карнеги-холле, а вторая — в Вашингтоне перед членами Конгресса и правительства США. Кадетский лидер рассказывал представителям американских элит о недавней революции, Манифесте 17 октября 1905 г., работе Государственной думы. При этом он критиковал министров, обвиняя их в поддержке реакции, черносотенцев и еврейских погромов, возлагал на власть ответственность за действия революционеров, а «Партию народной свободы» изображал центристской силой, стремящейся к установлению в империи подлинного конституционного строя². Выступление Милюкова, по словам конгрессмена Г. Парсонса, вызвало полное сочувствие и одобрение у «каждого члена правительства Соединённых Штатов», президент США Т. Рузвельт собирался устроить приём либеральному политику, но, как утверждал на страницах «Речи» Павел Николаевич, этому помешал протест российского посла барона В.В. Розена, напомнившего о том, что кадетская партия отказывается осудить революционный террор³.

Естественно, это турне стало событием не только в американской, но и в российской политической жизни. Русская консервативная печать обрушилась на Милюкова, обличая его в измене Родине, клевете и продажности, а также

© 2018 г. А.А. Иванов

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 295.

² Кара-Мурза В.В. Поездка П.Н. Милюкова в США в январе 1908 г. и реакция в России // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2015. С. 96—99.

³ Речь. 1908. 22 января.

«в безмерной низости», позволившей ему отправиться в Америку, «чтобы способствовать иностранному вмешательству в дела России»⁴. Черносотенная газета «Русское знамя» указывала на радушную встречу Милюкова американскими евреями⁵, в правой газете «Колокол» материал о пребывании кадетского лидера в США получил весьма выразительное название: «О чём докладывал г. Милюков Вашингтонскому правительству»⁶. М.О. Меньшиков писал в «Новом времени»: «Неужели в Государственной думе нашей, если она хоть сколько-нибудь государственна, не найдётся горсти патриотов, чтобы высказать г. Милюкову негодование за его предательскую, оскорбительную для России поездку в Америку?»⁷.

В Думе 25 января 1908 г. правые и октябристы преподнесли «педагогический урок Милюкову», дружно удалившись из зала заседаний, когда он собирался начать своё выступление⁸. Но особенно отличился экспрессивный депутат В.М. Пуришкевич, 22 января назвавший с думской кафедры Милюкова «подлецом» и «мерзавцем»⁹. Исключённый за это на 10 заседаний, Пуришкевич в положении ему для объяснения слова нанёс новое оскорбление кадетскому лидеру: «Он может меня вызвать, он трус... Я предпочитаю выйти на 10 заседаний (*голоса*: вон)... но с удовольствием плюнуть в лицо члена Государственной думы Милюкова»¹⁰. За эту реплику председатель удалил правого политика на 15 думских заседаний, т.е. на максимальный срок, предусмотренный для наказания провинившегося депутата.

Реакция на поступок Пуришкевича была предсказуемой. Либералы осуждали его выходку, а правые находили для неё «смягчающие обстоятельства». Сам Пуришкевич не скрывал, что исключение на 15 заседаний его нисколько не беспокоит, поскольку в своей правоте он не сомневается. «Поездка Милюкова в Америку — позор для всех русских, — заявил Владимир Митрофанович репортёрам. — Просить вмешательства иностранной державы во внутренние порядки страны может только человек, глумящийся над своим отечеством. Поездка эта, конечно, имела одну цель — наделать больше шуму, чтобы возбудить интерес к партии народной свободы». На последовавший затем вопрос, означают ли сказанные им с трибуны слова, что он вызывает Милюкова на дуэль, думский скандалист ответил: «Да, если он порядочный человек и понимает всю силу оскорбления, он должен прислать своих секундантов, которых я жду с большим нетерпением. Эта дуэль не будет обычной игрою, перекидыванием вишнёвых косточек. В таких серьёзных вещах я не умею ни шутить, ни играть в прятки. Я действую прямо, согласно своим убеждениям»¹¹. Через неделю в газете «Вече» появилось сообщение о том, что Пуришкевич отправил Милюкову заказное письмо, в котором вновь пытался спровоцировать поединок. «Получив оскорбление публичное, Вы утёрлись, съели его и, *не имея чести*, уклонились от единственного способа оправдаться перед общественным мнением — вызвать меня на дуэль, — писал депутат депутату. — И теперь, посылая настоящее письмо в копии членам Государственной думы различных фракций, я хочу этими строками выразить Вам моё

⁴ Кара-Мурза В.В. Поездка П.Н. Милюкова в США... С. 101–102.

⁵ Русское знамя. 1908. 8 января.

⁶ Колокол. 1908. 19 февраля.

⁷ Новое время. 1908. 19 января.

⁸ Голос Москвы. 1908. 27 января.

⁹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Сзыв III. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 1417–1418.

¹⁰ Там же. Стб. 1419.

¹¹ Голос Москвы. 1908. 24 января.

глубочайшее презрение»¹². Однако реагировать на выпады Пуришкевича Милюков считал ниже своего достоинства. «Ни в каком случае и ни при каких условиях я не приму вызова г. Пуришкевича», — сообщил он журналистам¹³.

Но уже через два месяца внимание общества привлёк новый дуэльный эпизод, возникший из-за конфликта между Милюковым и гр. В.А. Бобринским. Впрочем, нельзя не отметить, что конфликтов, грозивших закончиться поединком, между политиками было два. Первый из них произошёл сразу же после открытия II Государственной думы в 1907 г. Как писали газеты, в конце февраля в Петербурге стали циркулировать упорные слухи о том, что правый депутат от Тульской губ. Бобринский прислал Милюкову письмо с вызовом на дуэль. Графа возмутило то, что, читая лекцию в Тенишевском училище 13 февраля 1907 г., Милюков упомянул, будто бы во время выборов в Государственную думу Бобринский спаивал крестьян-выборщиков водкой¹⁴. Кадетский лидер вскоре подтвердил, что действительно получил от Бобринского письмо, в котором граф требовал объяснить, откуда были взяты сведения, порочащие его честь. «Ссылку на этот факт я действительно сделал в моей лекции, — рассказывал газетчикам Милюков. — Источником же моим послужили частные телеграммы, в которых общалось, на основании сведений “Тульской речи”, о приведённом факте и заявлялось затем, что это подтверждается свидетелями. Таким образом, источник моих сведений гр. Бобринский должен искать где-либо очень близко к месту предполагаемого происшествия»¹⁵.

Между тем «Тульская речь» в ходе выборов в Государственную думу вела информационную войну против местных правых, и Бобринскому с её страниц доставалось неоднократно. Титулованному либералу не могли простить переход в лагерь «реакции», его обвиняли в многочисленных нарушениях, призывали забаллотировать, а когда граф всё-таки был избран в Думу, тульские кадеты стали настаивать на пересмотре итогов голосования¹⁶, утверждая, в частности, что Бобринский, пригласив выборщиков-крестьян в одну из гостиниц Тулы, угощал их водкой и склонял голосовать за себя¹⁷. Об этом поспешила известить своих читателей и столичная «Речь», одним из руководителей которой был Милюков. Неоднократные опровержения этой информации на страницах «Тульского вестника» кадетами игнорировались¹⁸. Дискредитируя своих противников, они ссылались на наличие «неопровержимых фактов», однако после проведённой проверки выяснилось, что эти сплетни не находят подтверждения, и результаты выборов в Тульской губ. власти утвердили. «Из сообщения “Тульской речи” выросла легенда, — отмечал октябристский “Голос Москвы”. — Все левые газеты повторяли одна за другой её сообщения о “спаивании крестьян”... Несмотря на опровержения, “Тульская речь” настаивала на своём сообщении. П.Н. Милюков в публичной лекции приводил тульские выборы как пример возмутительной подделки. Левая печать злорадно уверяла, что “кассация по Тульской губернии несомненна”. А никаких злоупотреблений не найдено... Клевета о “спаивании крестьян” оказалась ни на чём не основанной... Что теперь скажут “Тульская

¹² Вече. 1908. 29 января.

¹³ Голос Москвы. 1908. 24 января.

¹⁴ Утро. 1907. 22 февраля; Тульская речь. 1907. 23 февраля.

¹⁵ Утро. 1907. 23 февраля; Тульская речь. 1907. 24 февраля.

¹⁶ Тульская речь. 1907. 13 февраля, 23 февраля.

¹⁷ Там же. 6 февраля.

¹⁸ Тульский вестник. 1907. 10 февраля.

речь” и вторившие ей газеты? Что скажет П.Н. Милюков, так легко бросивший непроверенное, лживое обвинение в лицо своего политического противника?»¹⁹. Но на этом постепенно история тогда заглохла. Бобринский предпочёл решать вопрос в судебном порядке и не с Милюковым, который выступил лишь ре-транслятором, а с «Тульской речью», распространившей недостоверные и порочащие графа сведения.

Поводом же к следующему дуэльному инциденту стали неосторожные слова, брошенные год спустя Милюковым с думской кафедры. 27 марта 1908 г., выступая в Государственной думе, Бобринский с одобрением отозвался о словах кадета А.И. Шингарёва, говорившего о необходимости решать крестьянский вопрос исключительно мирным путём. Вместе с тем граф напомнил, как в дни Первой российской революции Милюков на съезде кадетской партии «совершенно категорически заявил, что если будет борьба с правительством, то борьба должна быть по такому вопросу, который бы поняли все, который мог бы поднять деревню, и вопрос этот должен быть земельный». Со своей стороны, Милюков, возражая Бобринскому, обвинил его в клевете, заявив: «Господа, вы можете сколько угодно клеветать на партию народной свободы. (*Голос справа*: к порядку!). К этим клеветам мы здесь привыкли. (*Голос*: это не парламентарно). Но надо, наконец, положить конец когда-нибудь свободе злоупотребления фактами. То, что здесь говорилось от имени какого-то лидера партии народной свободы якобы (*Голос*: вами)... слова, высказанные будто бы им на съезде, — есть ложь и клевета. Я возвращаю эту клевету тому лицу, которое это сказало»²⁰.

После подобной тирады на скамьях умеренно правых и октябристов пошли разговоры о том, что Бобринский должен призвать кадетского лидера к ответу²¹. Видели, как граф о чём-то совещался с депутатами-октябристами Л.В. Половцовым и Г.Г. Лерхе, после чего уверенно направился к Милюкову²² и спросил его: «Вы назвали мою речь ложью и клеветой?» Получив подтверждение, Бобринский задал второй вопрос: «Вы, конечно, примите дуэль?» «Нет, я принципиальный противник дуэлей, — отвечал Милюков, — с Вами я не дерусь»²³. После этого граф развернулся и быстро возвратился на своё место, где был тут же окружён сочувствовавшими ему депутатами²⁴. От услуг секундантов, как сообщала пресса, граф отказался. «Что же я могу предпринять по отношению к человеку, который не признаёт законов чести? — недоумевал Бобринский. — Он отказался от дуэли. Я докажу в Думе, кто говорил правду»²⁵.

Тем временем Милюков объяснял журналистам свою позицию: «Я... ни в коем случае драться не намерен. По существу я должен сказать, что Бобринский, намекая на “сказанные лидером кадетской партии слова”, безусловно сказал неправду, потому что я не допускаю и мысли, чтобы я или кто-либо другой могли говорить на этом съезде о каком-либо восстании, которое связано с аграрным вопросом... А ведь таков по существу смысл слов Бобринского...

¹⁹ Голос Москвы. 1907. 8 марта.

²⁰ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 1100–1101.

²¹ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 28 марта.

²² Речь. 1908. 28 марта.

²³ Голос Москвы. 1908. 28 марта.

²⁴ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 28 марта.

²⁵ Голос Москвы. 1908. 28 марта.

В частности, я напомним, что, именно на этом съезде по аграрному вопросу я держался особенно осторожной тактики и был очень консервативен»²⁶.

Как отмечал октябристский «Голос Москвы», в Думе этот инцидент произвёл «крайне неблагоприятное для Милюкова» впечатление: «Наиболее мягкие в своих выражениях депутаты называют выходку кадетского вождя неосторожным, бессмысленным поступком. Огромное же большинство характеризует этот поступок весьма резко и весьма недвусмысленными эпитетами. “Нельзя позволять себе бросать оскорбление уважаемым деятелям, а затем спасти свою шкуру, прикрываясь принципиальным взглядом на дуэль”. Эту фразу приходилось слышать от многих депутатов различных фракций. “Вам остаётся теперь только послать своего лакея с палкой, чтобы он проучил этого..., — обращается к графу Бобринскому возмущённый депутат Половцев”»²⁷. Многих также покорила форма, в которой Милюков отказал Бобринскому в сатисфакции. Фраза «с Вами не дерусь» могла восприниматься как нанесение графу новой обиды. «Милюков оскорбил гр. Бобринского не только тем, что назвал его лжецом и клеветником, он оскорбил его и тем, что заявил, что драться с ним не намерен», — полагал П.Н. Крупенский²⁸. Милюкову пришлось уверять коллег и публику в том, что он не собирался выказывать пренебрежение и считает его вполне «duelfähig» (дуэлеспособным), а смысл его слов сводился исключительно к нежеланию драться из-за случившегося²⁹. Либеральный политик настаивал на том, что данный конфликт может и должен быть разрешён только путём установления факта, и обещал «десятками цитат» доказать свою непричастность к призывам к бунтам. Он утверждал, что в его речах и статьях «есть только несколько фраз, из которых можно попытаться сделать тот вывод, к которому пришёл гр. Бобринский», но такой вывод «явится слишком тенденциозным». Бобринский откликнулся на это кратко: «Я сумею доказать сказанное мною. Как и чем — это вы услышите с трибуны»³⁰.

Таким образом, не состоявшийся у барьера, поединок должен был произойти в Таврическом дворце, но уже мирным способом, в виде парламентской полемики. Этот поворот, кажется, устраивал всех. По свидетельству публициста С. Литовцева (С.Л. Полякова), все согласились на такое решение спора, находя его логичным, но если одни надеялись на лёгкий успех Бобринского, то другие не сомневались в том, что ему никогда не удастся убедительно опровергнуть противника³¹.

28 марта Бобринский, взяв слово по личному вопросу, поднялся на думскую кафедру, чтобы ответить на «столь тяжёлое и в столь грубой форме предъявленное» обвинение. Отметив, что понятия о чести у него и у его «обидчика» «расходятся как полюсы земного шара», граф зачитывал выдержки из документов кадетской партии, отражавших её антиправительственные установки и стремление к радикальному разрешению аграрного вопроса, а также цитировал доклад Милюкова, опубликованный в официальном партийном издании и рекомендовавший вести такую борьбу с самодержавием, которую «почувствуют в каждой русской деревне». Наконец, оратор напомнил слова из «Выборгского воззвания»,

²⁶ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 28 марта.

²⁷ Голос Москвы. 1908. 28 марта.

²⁸ Русское слово. 29 марта.

²⁹ Речь. 1908. 28 марта.

³⁰ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 29 марта.

³¹ Речь. 1908. 28 марта.

в котором также содержался призыв к принудительному отчуждению казённых, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель. «Автор этого документа хоть и ускользнул от суда, но известен всей Государственной думе. Теперь я уже без всяких комментариев предоставляю Государственной думе решить, кто солгал и кто клеветал», — завершил граф свою страстную речь под бурные продолжительные аплодисменты правых и центра³².

Несмотря на предложение председателя Думы считать инцидент исчерпанным, депутаты позволили высказаться и Милокову. Кадетский лидер признал, что «в невольном увлечении» он «выразился резко» и «непарламентарно», и принёс извинение Думе. Но в то же время он по-прежнему отрицал правоту своего оппонента, настаивая на том, что его слова были неверно истолкованы. «Если бы гр. Бобринский своё обвинение ограничил теми рамками, о которых свидетельствуют все прочтённые им цитаты..., то мне оставалось бы только поблагодарить его за точную передачу тех мыслей, которыми всегда руководствовалась партия народной свободы. (*Смех справа*)... Но гр. Бобринский пошёл дальше; он сказал, что партия народной свободы на III съезде предполагала “поднять деревню”... Вот такого рода обвинения против партии народной свободы я считаю возмутительными и основанными на полном незнакомстве с фактами... (*Шум*)». «Партия наша, — заключал Милоков, — всегда смотрела на законодательное решение аграрного вопроса... как на единственный исход из тяжёлого положения страны. Она всегда противопоставляла законодательное решение аграрного вопроса мирным путём всякому другому решению, и в этом отношении вызывала против себя очень решительные нападения со стороны группы более левых, чем она»³³.

После речей Бобринского и Милокова думские кулуары, как выразились в одной из газет, представляли собой «взбаламученное море»³⁴. Депутаты оживлённо комментировали услышанное. Инцидент был исчерпан, но каждая сторона осталась при своём мнении: Бобринский имел основания рассматривать высказывания кадетов и их лидера как призыв «поднять» деревню, Милоков же мог оспаривать правомерность употребления слова «поднять», ссылаясь на отсутствие намерения перейти к «борьбе при посредстве народного восстания на почве земельного вопроса»³⁵. Даже представитель фракции правых Н.Е. Марков вынужден был признать, что затрудняется высказаться в пользу одного из двух ораторов, хотя до выступления Милокова он был уверен в победе Бобринского³⁶.

Но психологическая победа всё-таки была одержана графом. Как писали газеты, после окончания речей зал оглашали крики «Бобринский, браво!», ему аплодировали, он победоносно покинул зал заседаний в окружении группы депутатов³⁷. В отличие от его яркого и взволнованного выступления, милоковская речь, по отзывам прессы, была длинна, тускла и носила чисто кабинетный характер. Утешать себя Павел Николаевич мог только тем, что он и не пытался произвести впечатление на Думу, а обращался через головы депутатов к стране, разъясняя позицию партии по аграрному вопросу. Явно сочувствовавшие ему «Биржевые ведомости» недоумевали: «Если задуматься, кто же, однако, остался победителем в сегодняшней парламентской дуэли, то на вопрос сначала нужно

³² Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. Стб. 1206–1209.

³³ Там же. Стб. 1210–1211, 1213.

³⁴ Русское слово. 1908. 29 марта.

³⁵ Речь. 1908. 28 марта.

³⁶ Русское слово. 1908. 29 марта.

³⁷ Голос Москвы. 1908. 29 марта.

ответить вопросом же: каким победителем? Со стороны юридической, — несомненно гр. В. Бобринский поражён, а фактически победителем остался тот же гр. Бобринский»³⁸.

А уже в мае 1908 г. в прессе снова заговорили о «дуэльном» конфликте, на этот раз между П.Н. Милюковым и А.И. Гучковым — лидерами двух думских фракций и политических партий, между которыми было на тот момент немало противоречий. Однако поводом к столкновению вновь стала неосторожно брошенная с думской трибуны фраза кадетского лидера.

1 мая 1908 г., во время выступления товарища министра внутренних дел А.А. Макарова, который защищал своё ведомство от нападков оппозиции, депутаты начали подавать председателю Государственной думы записки с просьбой предоставить им слово для ответа представителю власти. И хотя ранее на основании наказа было решено прекратить запись ораторов, кадеты стали требовать её продолжения, ссылаясь на имевшиеся прецеденты. Председатель Думы Н.А. Хомяков был вынужден поставить этот вопрос на голосование, результат которого оказался не в пользу сторонников расширения дискуссии (163 голоса против 120)³⁹. В итоге «вся оппозиция, до польского коло включительно, вышла из зала заседания, лишённая центром и правыми возможности возражать на речь товарища министра внутренних дел»⁴⁰.

На следующий день Гучков коснулся этого процедурного эпизода, напомнив депутатам, что помимо наказа существует и неофициальное соглашение между фракциями, которое ограничивает число докладчиков, выступающих от их имени во время бюджетных прений. Но поскольку «не все партии одинаково заинтересованы в том, чтобы работа Государственной думы была успешна и плодотворна», по мнению Гучкова, «со стороны представителей левых партий никаких попыток к созданию какого-либо соглашения... не было сделано»⁴¹.

Речь лидера Союза 17 октября вызвала шум на левых скамьях и явное недовольство кадетов. Корреспондент «Русского слова» живо описал происходившее в зале заседаний: «Гневные голоса требуют, чтобы Гучков назвал, на кого он намекает. Невообразимый содом заглушает председательский колокольчик. “Черти!” — кричит Пуришкевич, с искажённым лицом, судорожно дёргаясь. “Вон, гоните его!” — несётся слева не то по адресу Гучкова, не то по адресу Пуришкевича. Среди то нарастающего, то ослабевающего шума Гучков кончает речь и идёт на место»⁴².

В этой, уже и без того наэлектризованной атмосфере, слово взял Милюков, отметивший, что вопреки заявлению Гучкова думский наказ отнюдь не непрерываем, и прецеденты говорят не в пользу лидера октябристов. При этом Милюков дважды назвал слова своего оппонента «неправдой». Председатель был вынужден сделать оратору замечание, напомнив, что выражение «говорит неправду» может быть истолковано как слово «лгать». Тогда Милюков счёл нужным сделать оговорку: «Я хотел сказать, что утверждение члена Думы Гучкова не только несогласно с действительностью, но прямо ей противоречит»⁴³. «Давно уже, — констатировал гучковский “Голос Москвы”, — в спокойную творческую работу

³⁸ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 29 марта.

³⁹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. Стб. 2638.

⁴⁰ Русское слово. 1908. 8 мая.

⁴¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. Стб. 2663–2664.

⁴² Русское слово. 1908. 3 мая.

⁴³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. Стб. 2666.

Думы не вносилось столько страстности... Выходка г. Милюкова, конечно, не осталась без соответствующего вмешательства крайне правых. Г. Пуришкевич с места кричал: «Уберите этого негодяя!» Гг. Шульгин и Марков буквально силой удерживали г. Пуришкевича, стремившегося перейти от слов к делу. Скандал получился полный»⁴⁴. «Русское слово» сообщало читателям про «громоподобный рёв», огласивший зал после слов Милюкова, и многочисленные крики из зала, среди которых особенно были слышны возгласы Пуришкевича, осыпавшего кадетского лидера бранью и едва не ринувшегося на него с кулаками. «Понять невозможно, — отметил корреспондент, — отчего это Пуришкевич так близко принял к сердцу обиды Гучкова»⁴⁵.

Однако в дальнейшем выяснение отношений происходило уже именно между Милюковым и Гучковым, который был настолько задет, что, посоветовавшись с единомышленниками по фракции, решил требовать от «обидчика» сатисфакции либо в виде публичного извинения, либо у барьера. В тот же день Гучков прислал к Милюкову секундантов — депутатов-октябристов М.В. Родзянко и А.И. Звегинцева. Поскольку с самого начала решено было выяснять отношения между двумя парламентскими лидерами вне стен Думы, секунданты явились вечером 2 мая на квартиру Милюкова, передали требование Гучкова и после того, как лидер кадетской фракции принял вызов, уклонившись от подробных объяснений, попросили его назвать своих поверенных для обсуждения с ними условий поединка. Много лет спустя Милюков вспоминал: «[Гучков] прекрасно знал моё отрицательное отношение к дуэлям — общее для всей тогдашней интеллигенции — и, вероятно, рассчитывал, что я откажусь от дуэли и тем унижу себя в мнении его единомышленников... Я почувствовал, однако, что при сложившемся политическом положении я отказаться от вызова не могу. Гучков был лидером большинства, меня называли лидером оппозиции; отказ был бы политическим актом. Я принял вызов и пригласил в секунданты тоже бывших военных: молодого А.М. Колюбакина, человека горячего темперамента и чуткого к вопросам чести, также и военной, и, сколько помнится, Свечина, бывшего члена Первой Думы. Этим я показал, что отношусь к вопросу серьёзно»⁴⁶. Однако память подвела Милюкова: вторым его секундантом стал не депутат I Думы А.А. Свечин, а бывший председатель II Думы и товарищ председателя кадетской фракции в III Думе — Ф.А. Головин⁴⁷. Изначально Милюков желал видеть своими секундантами кадета А.И. Шингарёва и прогрессиста Н.Н. Львова — это должно было подчеркнуть, «что вся оппозиция, а не только кадеты, принимают на себя ответственность и разделяют, во всяком случае, смысл резких слов Милюкова»⁴⁸. Но затем он «по некоторым соображениям» предпочёл Львову Колюбакина, который «как бывший офицер... считал своим долгом ответить утвердительно», тогда как Шингарёв от участия в дуэли отказался и был заменён Головиным⁴⁹.

Секунданты обсуждали конфликт между лидерами думских фракций несколько дней, стараясь найти формулу примирения сторон, которая устроила

⁴⁴ Голос Москвы. 1908. 3 мая.

⁴⁵ Русское слово. 1908. 3 мая.

⁴⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 295.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 4, л. 2; Речь. 1908. 10 мая; Голос Москвы. 1908. 9 мая. В дальнейшем эта неточность перекочевала и в литературу (Розенталь И.С. Дуэли // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 177; Розенталь И.С. Дума и дуэли // Родина. 2006. № 3. С. 35).

⁴⁸ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1908. 7 мая.

⁴⁹ Русское слово. 1908. 8 мая; Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 9 мая.

бы всех. Но это было не так-то просто. Секунданты Гучкова настаивали на том, что слово «неправда», сказанное в отношении заявления лидера октябристов, равнозначно публичному обвинению его во лжи. Секунданты Милюкова, напротив, утверждали, что в этой фразе не содержится оскорбления, так как выражение «сказал неправду» может означать не только сознательную ложь, но и простую ошибку, о чём и шла речь, поскольку Гучков не лгал, а именно ошибся, не владея всей информацией. После нескольких дней переговоров секунданты сошлись на том, что Милюков не имел намерения оскорбить, но Гучков «имел основание признать наличие оскорбления и сделать соответствующие шаги для получения удовлетворения». Казалось бы, на этом вопрос можно было бы считать исчерпанным, но секунданты решили до ночи 7 мая не только установить наличие оскорбления, определить его степень и способ удовлетворения, но и выяснить, кто же прав в трактовке наказа Государственной думы, ставшего предметом спора. Между тем разобраться в этом оказалось крайне сложно, так как прецеденты, на которые ссылался Милюков, не были зафиксированы ни в журналах, ни в стенографических отчётах Думы. «Правота» же Гучкова тоже вызывала сомнения: нельзя было не признать, что смысл наказа «ясен и не допускает сомнений» только в том случае, если согласиться с его пониманием октябристами. Секунданты Милюкова настаивали, что рассматриваемый случай вообще не был предусмотрен наказом, а Головин во II Думе в подобной ситуации всегда возобновлял запись ораторов. Споры по этому вопросу продолжились на следующий день, но достичь единомыслия так и не удалось. Тогда попытались передать дело на третейский суд Хомякову, но он заявил, «что не счёл бы себя вправе разрешить вопрос ни в ту, ни в другую сторону, а постановил бы его на разрешение Думы»⁵⁰. В итоге, так и не найдя однозначного ответа, секунданты должны были приступить к скорейшей ликвидации конфликта.

Тем временем по столице поползли слухи. «Несколько дней уже в думских кругах шёпотом, на ухо, говорят о дуэли между П.Н. Милюковым и А.И. Гучковым», — отмечали в «Биржевых ведомостях»⁵¹. «Вся история, естественно, взбудоражила Думу снизу доверху..., — писало “Русское слово”. — Всюду группы депутатов, оживлённо беседующих о дуэли... Гучков говорит: “Я ещё лежал в постели, как у меня сегодня с утра звонил телефон. Все спрашивали о дуэли. Категорически заявляю, что о дуэли я ничего не знаю, никаких секундантов я не посылал и драться не собираюсь”. Эти слова Гучкова встречены с недоумением, так как безусловно всем известно о всех фактических подробностях»⁵². Называли даже точную дату и время поединка — 7 мая в 9 часов утра, а также его условие — стреляться до крови⁵³. Как удалось выяснить секундантам, тщетно пытавшимся сохранить тайну, среди тех, кто распространял эти сведения, были депутаты М.В. Челноков и В.Н. Львов⁵⁴. «Два дня Петербург только и живёт дуэлью А.И. Гучкова с П.Н. Милюковым, — утверждало “Русское слово”. — Толки, слухи, сплетни. В парламентских кругах конфликту придают огромное значение. Он заслонил собою все интересы думской жизни, все вопросы, все злобы дня. Конфликт, происшедший между лидерами двух главнейших думских партий, между двумя серьёзными общественными силами, покрыл собою все происходившие

⁵⁰ ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 4, л. 5–5 об., 7–8, 12; Речь. 1908. 10 мая; Голос Москвы. 1908. 9 мая.

⁵¹ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1908. 7 мая.

⁵² Русское слово. 1908. 8(21) мая.

⁵³ ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 4, л. 3; Речь. 1908. 10 мая; Голос Москвы. 1908. 9 мая.

⁵⁴ Речь. 1908. 10 мая; Голос Москвы. 1908. 9 мая.

до сих пор инциденты между отдельными депутатами. Каков бы ни был исход, он, несомненно, по всей своей обстановке имеет историческое значение для третьей Думы»⁵⁵.

Депутаты, судя по сообщениям прессы, активно обсуждали в кулуарах возможность дуэли и способы её предотвращения. Оппозиция и левые октябристы называли дуэль «бессмыслицей», а октябрист М.Я. Капустин, энергично агитировавший против неё, предрекал, что «если будут ставиться в строку все непарламентские выражения, тогда стена должна пойти на стену». Хомяков также высказался против поединка, считая, что в данном случае повод для него слишком ничтожен⁵⁶. Кроме того, многие указывали на несоответствие сил противников: Гучков, участвовавший в ряде вооружённых конфликтов, слыл отличным стрелком, а Милюков, никогда не державший в руках пистолета, мог похвастаться лишь тем, что он великолепный... скрипач. Умеренно правые, вспомнив, что ещё недавно Милюков отказал в сатисфакции Бобринскому, поскольку якобы «не дерётся», требовали, чтобы он сначала стрелялся с графом, а потом уже с Гучковым⁵⁷.

Вынужденные торопиться, секунденты искали выход из сложившейся ситуации. Но если Родзянко и Звегинцев добивались письменных извинений за сделанные заявления, то Колюбакин и Головин настаивали на том, что это невозможно и «переносили центр тяжести не на сказанные г. Милюковым слова, а на приданное им оскорбительное истолкование»⁵⁸. Кроме того, как подмечал один из левых октябристов, примирению мешали всего три буквы: Милюков был согласен на личное извинение, а Гучков требовал публичного⁵⁹. «Помню поздний вечер, когда происходило последнее совещание сторон и вырабатывалась наиболее приемлемая для меня согласительная формула, — вспоминал Милюков. — Я в неё не верил, считал дуэль неизбежной и вспоминал арию Ленского. Но... мои секунденты приехали ко мне поздно ночью, торжествующие и настойчивые. Они добились компромиссного текста, от которого, по их мнению, я не имел ни политического, ни морального права отказаться. Отказ был бы непонятным ни для кого упорством и упрямством. Я, к сожалению, не помню ни этой формулы, ни даже самого повода к гучковской обиде, очевидно, раздутой намеренно. Но я видел, что упираться дальше было бы смешно, согласился с моими секундантами и подписал выработанный ими, совместно с противной стороной, текст. Гучкову не удалось ни унижить меня, ни поставить меня к барьеру, и политическая цель, которую он, очевидно, преследовал, достигнута не была»⁶⁰.

Вскоре письмо Милюкова появилось на страницах кадетской и октябристской печати. «Милостивый государь, Александр Иванович, — говорилось в нём. — Признавая, что по всей совокупности дела и обстоятельств, сопровождавших мою речь, Вы имели основания считать себя оскорблённым некоторыми словами, мною в ней сказанными, считаю долгом удостоверить, что в эти слова я не вкладывал смысла для Вас оскорбительного; под словом “неправда” я не разумел “лжи”, т.е. сознательной неправды, а лишь “несоответствие и даже противоречие” фактам и, во всяком случае, такое именно толкование и дано было мною

⁵⁵ Русское слово. 1908. 8 мая.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1908. 7 мая.

⁵⁸ Речь. 1908. 10 мая; Голос Москвы. 1908. 9 мая.

⁵⁹ Русское слово. 1908. 8 мая.

⁶⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 295.

в моих дальнейших словах... Во всяком случае, я никакого намерения нанести Вам оскорбления не имел и приношу извинение за причинённое Вам вполне невольно тяжёлое чувство»⁶¹.

7 мая 1908 г. к радости либеральных депутатов и журналистов все участники дела признали конфликт «исчерпанным в совершенно удовлетворительной форме»⁶². Впрочем, Гучков не скрывал, что остался не вполне удовлетворён такой развязкой, однако «дал своё согласие, так как очень многие из депутатов просили его как-нибудь уладить дело»⁶³. Колюбакин же рассказывал, что «стоило больших трудов убедить П.Н. Милюкова согласиться на это письмо», которое «носит характер компромисса и не выражает желаний ни той, ни другой сторон»⁶⁴. При этом каждый старался выставить себя победителем: Гучков, хоть и не сумел призвать «обидчика» к барьеру, стараниями секундантов всё-таки добился от него извинения; Милюков, будучи вынужден пойти на примирение, сохранил своё достоинство, ибо извинился лишь за «причинённое невольно тяжёлое чувство», но не за суть сказанных слов. 11 мая на состоявшемся фракционном заседании октябристы выразили поддержку своему лидеру, который, как выразился Родзянко, бросал вызов не только от себя лично, но и «как главный представитель парламентской фракции Союза 17 октября». Под конец своей речи Родзянко под аплодисменты собравшихся поблагодарил Гучкова за то, что тот «выразил полную готовность жертвовать своей жизнью для защиты чести всей фракции»⁶⁵. Милюкову повезло меньше — в Думе его встречали улыбки и насмешки центра и правых. 8 мая Пуришкевич явился на заседание с целой кипой красных листочков, на которых были напечатаны его вирши «Думский Ахиллес», высмеивавшие кадетского лидера. Пройдясь по рядам, Пуришкевич раздавал их всем желающим. Стихи позабавили депутатов: «Крупенский прибил один листок к пюпитру Милюкова. Безак смеялся на весь зал. Кадеты имели вид сконфуженный»⁶⁶.

Но помимо шуток и издёвок, этот благополучно завершившийся инцидент в очередной раз заставил задуматься о допустимости политической дуэли как таковой и об альтернативных способах защиты депутатской чести. В частности, известный театральный и литературный критик С. Яблоновский (С.В. Потресов), считавший дуэль «атавизмом» и радовавшийся тому, что до неё в этот раз не дошло, тем не менее опасался новых вызовов, поскольку такие известные и популярные политики, как Гучков и Милюков, своим принципиальным согласием драться санкционировали парламентские дуэли. «Если бы эта дуэль состоялась и окончилась печально, — не лишила ли бы она Думу обоих депутатов? — рассуждал публицист. — Я не умею себе представить, как бы сидел в Думе Милюков, убивший Гучкова, или Гучков, убивший Милюкова. Даже писать такие слова страшно и противно. Против дуэлей депутатов имеем право, законное право, протестовать мы все, посылавшие одного из этих депутатов в Думу»⁶⁷. Представители оппозиции даже опубликовали особое заявление, в котором парламентская дуэль признавалась «вообще недопустимой ни по какому поводу, а данный случай создающим нежелательный прецедент»⁶⁸. Кадетская фракция приняла

⁶¹ ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 4, л. 12 об.—13; Речь. 1908. 8(21) мая; Голос Москвы. 1908. 9 мая.

⁶² Там же.

⁶³ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 8 мая.

⁶⁴ Там же. 9 мая.

⁶⁵ Голос Москвы. 1908. 13 мая.

⁶⁶ Вече. 1908. 11 мая.

⁶⁷ Русское слово. 1908. 10 мая.

⁶⁸ Новое время. 1908. 8 мая.

специальное постановление о том, что «члены фракции ни в каком случае и ни с кем не должны драться на дуэли»⁶⁹.

Но высказывались и иные мнения. Гучковский «Голос Москвы», как и следовало ожидать, выступил с критикой «стереотипных фраз» о том, что дуэль — «грубый пережиток» и «пролитием крови не восстанавливается честь». По мнению октябристского издания, «в истории человеческого развития был момент, когда дуэль играла воспитательную, облагораживающую роль», и «с глубокою грустью приходится признать тот печальный факт, что в нашем молодом парламенте установились нравы, при которых дуэль, по-видимому, может и должна играть роль оздоровляющего начала»⁷⁰.

Однако не успела затихнуть эта полемика, как Милоков оказался в центре нового скандала. На этот раз в роли обиженного оказался уже кадетский лидер, которому нанёс оскорбление сотрудник оппозиционной газеты «Русь», журналист, военный корреспондент Н.Е. Попов (впоследствии — прославленный авиатор), как и Гучков добровольцем участвовавший в англо-бурской войне на стороне буров, а затем побывавший на театре боевых действий в Маньчжурии. Заведую торговно-промышленным отделом «Руси», он занимался разоблачением банковских махинаций и различных финансовых афер. В середине апреля «Русь» развернула острую полемику с «Речью», которую Попов обвинял в связях с финансовыми дельцами и махинаторами. В ответ «Речь» напечатала анонимную статью о том, как некие журналисты «Руси» (не названные, впрочем, по имени), стремясь получить субсидии для газеты, ездили в Киев в поисках сведений, позволяющих шантажировать некоторые банки и торгово-промышленных деятелей⁷¹. Поскольку в Киеве с редакционным заданием находились Попов и В.И. Климов, они восприняли публикацию «Речи» как клевету и личное оскорбление.

9 мая около 8 часов вечера Попов и Климов пришли на квартиру Милокова, являвшегося соредактором «Речи», и потребовали от него объяснений. «Обвинение было общее, — рассказывал позже Попов, — никаких имён или фактов не было вовсе, так что мы были лишены всякой возможности что-либо фактически опровергнуть, при полной ясности указаний на нас». Попову «было хорошо известно, что заметка была помещена с одобрения г. Милокова и, следовательно, за его, как фактического редактора, ответственностью», поэтому сотрудник «Руси» желал знать, на каком основании тот «мог возложить на нас тягчайшее, какое я могу представить себе, обвинение». Милокова просили поимённо назвать журналистов, по мнению «Речи», шантажировавших киевские банки. Изначально беседа велась вполне корректно, но затем её участники перешли на повышенные тона. Кадетский лидер заявил, что он не считает себя вправе называть фамилии и посоветовал возмущённым собеседникам обратиться за разъяснением к другому соредактору «Речи» — И.В. Гессену. Однако Попов продолжал настаивать на своём. «Я хотел, — уверял он, — чтобы П.Н. Милоков понял, что, возложив на нас анонимное обвинение без всяких конкретных указаний и тем лишив нас возможности опровергнуть его, он всецело является ответственным за него и обязан дать объяснение сам, а не отсылать меня искать удовлетворения у г. Гессена или у других лиц в редакции “Речи”; в особенности, раз он сам сказал, что знает это дело»⁷². Не уступая, Милоков встал, показывая, что разговор

⁶⁹ Петербургский листок. 1908. 22 июня.

⁷⁰ Голос Москвы. 1908. 9 мая.

⁷¹ Речь. 1908. 9 мая.

⁷² Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 10 мая; Русь. 1908. 11 мая.

закончен, и тогда Попов неожиданно ударил своего собеседника по лицу. В этот момент в комнату вошла супруга Милюкова, бросившаяся было к Попову, но он уже не предпринимал никаких агрессивных действий. Павел Николаевич остановил жену, сказав: «Оставь его, он сделал своё дело». Очевидно, нанося удар, Попов рассчитывал спровоцировать оскорбителя на дуэль, и недвусмысленно добавил: «Я Вам оставил карточку». Не дождавшись ответа, он повторил: «Павел Николаевич, моя карточка с адресом у Вас на столе». «Я драться не буду», — категорично заявил Милюков. После этого журналисты «Руси» удалились⁷³.

Эта скандальная история тут же попала на страницы либеральной печати, единодушно поддержавшей Милюкова. «Разбойничье нападение», «акт дикой расправы», «гнусное, бессмысленное насилие», «проявление животной злобы» — в таких выражениях газеты описывали инцидент и, явно сгущая краски, сообщали о разбитом пенсне и выбитом зубе (а то и двух!) кадетского вождя⁷⁴. Решительно осудили рукоприкладство и депутаты. Некоторые из них, демонстрируя солидарность, направили Милюкову свои визитки. Газеты перечисляли их имена и публиковали сочувственные телеграммы, полученные политиком. «Невозможно описать то безграничное возмущение, которое вызвало во всех без исключения членах Г[осударственной] думы появившееся сегодня утром в газетах сообщение о возмутительной расправе сотрудников “Руси” гг. Попова и Климова с П.Н. Милюковым», — констатировали «Биржевые ведомости»⁷⁵. В столице состоялось экстренное заседание представителей петербургской печати, постановившее, что сотрудники, допускающие «кулачную расправу», должны изгоняться из «журналистской семьи»⁷⁶. Начавшаяся травля «Руси» заставила Попова и Климова выйти из состава редакции, чтобы инцидент, произошедший на личной почве, не рассматривался как газетная война⁷⁷.

Диссонансом звучали лишь публикации в правой прессе. Черносотенное «Вече» в статье «Подделом!» не скрывало злорадства: «Дуэль Милюкова с Гучковым не состоялась, но морду “папаше” кадетской партии всё-таки побили». Припомнив Милюкову «предательскую» поездку в Америку, автор отметил: «Попов, какими бы личными соображениями он ни руководствовался, отправляясь бить “почтеннейшего” П.Н., в действительности явился как бы орудием в руках судьбы. Милюкову нужно было быть битым, и его побили. Не всё ли равно, кто и за что»⁷⁸.

Тем временем Попов ждал от Милюкова секунданта. «Физическая расправа, — оправдывался журналист, — противоречит правилам моим и по самому существу мне самому глубоко отвратительна; никогда до сих пор я не применял её. Но есть некоторые вещи, которые дороже жизни, между прочим, честь... Я глубоко сожалею обо всём происшедшем; я всё время ждал шагов со стороны П.Н. Милюкова, чтобы иметь возможность дать ему удовлетворение»⁷⁹. Но Павел Николаевич предпочёл наказать обидчика через суд. Присяжный поверенный О.О. Грузенберг, представлявший интересы политика, комментируя поданную жалобу, объявил в печати: «В поступке Попова я не вижу оскорбления

⁷³ Речь. 1908. 10 мая.

⁷⁴ Русское слово. 1908. 11 мая; Голос правды. 1908. 15 мая. Сам Милюков позднее говорил лишь о «сильном ударе» (Русь. 1908. 27 мая; Русское слово. 1908. 27 мая; Речь. 1908. 27 мая).

⁷⁵ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1908. 10 мая.

⁷⁶ Голос правды. 1908. 15 мая.

⁷⁷ Русь. 1908. 11 мая.

⁷⁸ Вече. 1908. 13 мая.

⁷⁹ Русь. 1908. 11 мая.

личности П.Н. Милюкова. По-моему, этот поступок является, во-первых, оскорблением Думы и нарушением неприкосновенности личности депутата; во-вторых, – оскорблением граждан Петербурга, видящих в лице П.Н. Милюкова своего избранника и чувствующих всякую обиду, ему наносимую, и, в-третьих, оскорблением прессы недостойным поступком одного из её представителей». Поскольку, по словам адвоката, Милюков «не записался в непротивленцы злу», перед ним стояла дилемма: дуэль или суд. Лидер кадетов выбрал суд, будучи убеждённым противником дуэлей и полагая, что «принять вызов от такого человека, как Попов, проявившего в полной мере отсутствие элементарных понятий приличия, – являлось несовместимым с кодексом дуэли»⁸⁰. В том же духе комментировала это решение и «Речь», утверждавшая, что «такие инциденты могут найти свою развязку только в уголовном суде», так как «люди, организующие нападения такого характера, не должны ожидать к себе иного отношения, чем уличные буяны и пьяные хулиганы»⁸¹.

Закончилось это дело, как и хотел Милюков, не у барьера, а в суде. Попов был обвинён в самоуправстве и употреблении насилия без нанесения тяжких побоев (сам он настаивал на том, что нанёс Милюкову лишь оскорбление действием, т.е. дал пощечину). Примириться стороны конфликта не пожелали, и после двух слушаний, состоявшихся 26 мая и 27–28 июня 1908 г., мировой судья Ю.М. Антоновский признал Попова виновным «в учинении насилия против Милюкова как акта самоуправного мщения» и был приговорён к аресту на месяц без замены штрафом⁸². Попов подал на апелляцию, не соглашаясь с квалификацией своего поступка, но узнав, что Грузенберг попросил не приводить приговор в исполнение, демонстративно потребовал скорейшего наказания, не желая принимать никаких милостей от Милюкова. Однако, судя по всему, приговор в исполнение приведён так и не был, и Попов благополучно покинул Россию, вскоре прославившись во Франции как выдающийся авиатор.

Милюков имел все основания чувствовать себя победителем. Благодаря очередному скандалу, он из «обидчика» Гучкова превращался в «жертву» Попова. Либеральная пресса, Дума и общество оказались теперь на его стороне, инцидент с Гучковым был предан забвению, и отношения с ним снова вошли в конструктивное русло. К тому же, столь громкое происшествие, дав Милюкову «хорошую прессу», обеспечило ему дополнительную рекламу. Впрочем, политические противники не забыли данный эпизод и при случае напоминали о нём Павлу Николаевичу. Даже пять лет спустя, 13 мая 1914 г., когда Милюков назовёт депутата Н.П. Шубинского «мерзавцем», Пуришкевич крикнет с места в ответ: «Скотина, сволочь, битая по морде»⁸³.

Однако все эти дуэльные инциденты слабо влияли на развитие дальнейших отношений между политиками. Непримиимой вражды между ними не ощущалось. Гучков и Милюков довольно скоро сблизились, а затем получили министерские портфели во Временном правительстве, которое одновременно покинули в апреле 1917 г. После смерти Гучкова Милюков напишет о нём статью «Большой человек», воздав должное «сильной воле» и «ясной мысли» своего

⁸⁰ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1908. 18 мая.

⁸¹ Речь. 1908. 10 мая.

⁸² Там же. 28 июня.

⁸³ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 605.

бывшего оппонента⁸⁴. Гр. Бобринский в годы Первой мировой войны вместе с Милюковым руководил Прогрессивным блоком. Граф, заметно полевевший за это время, в 1915 г. перешёл в ряды прогрессивных националистов, и накануне революции его речи мало отличались своей оппозиционностью от выступлений кадетского лидера. Несмотря на многолетнее противостояние, сопровождавшееся неоднократными оскорблениями, Милюкову на какое-то время удалось примириться даже с Пуришкевичем – в августе 1914 г. непримиримые противники обменялись рукопожатием, предав на короткое время забвению прошлые разногласия и обиды во имя «священного единения». А в ноябре 1916 г. они сообща станут ругать правительство. Только Попов, завязав с журналистикой, с Милюковым, судя по всему, более никогда не пересекался.

⁸⁴ Милюков П.Н. Большой человек // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. № 162. С. 224–227.

Наши авторы

Булгаков Михаил Борисович, доктор исторических наук

Глазунов Сергей Радиславович, кандидат исторических наук, доцент Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Емченко Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории отечества, государства и права Московского государственного университета геодезии и картографии

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-воздушной академии им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (Воронеж)

Капчинский Олег Иванович, кандидат исторических наук, доцент Академии труда и социальных отношений

Козлова Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, заведующий кафедрой истории и методики преподавания истории Пензенского государственного университета

Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Коцюбинский Даниил Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета

Ларюшкин Олег Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мистрюгов Павел Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета

Михалёв Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, учёный секретарь Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Окуда Хироси (Okuda Hiroshi), профессор Токийского университета (Япония)

Пожаров Алексей Иванович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Попов Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пушкарёва Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Саломатина Софья Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Суржикова Наталья Викторовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Феклистов Артём Игоревич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Чемакин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Щелкунов Антон Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и педагогики Национального горного университета (г. Днепр, Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

ТАУГН-ПРЕСС

Мнение историка

В.В. Кондрашин. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в.	3
<i>Х. Окуда: К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа</i>	<i>14</i>
<i>Г.Е. Корнилов: Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации</i>	<i>17</i>
<i>В.П. Попов: «Закрома Родины»: к вопросу о государственном резерве хлеба в Советской России (1917–1953 гг.)</i>	<i>24</i>

История власти

<i>П.А. Мистрюгов</i>	
Службная повседневность сотрудников революционных трибуналов Самарской губернии в годы Гражданской войны	35
<i>А.А. Щелкунов</i>	
Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора.....	43
<i>О.В. Хлевнюк</i>	
Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны.....	58
<i>А.И. Пожаров</i>	
Секретное положение о КГБ при Совете министров СССР 1959 г.: попытка создания правовой основы деятельности спецслужб	73

Историк и источник

<i>О.В. Новохатко</i>	
Записные книги «всяких дел» в приказном управлении.....	83

Институты и общности

<i>Д.В. Лисейцев</i>	
«Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610–1620-х гг.	90
<i>М.Б. Булгаков</i>	
Местный торг Суздаля в XVII в.	111
<i>О.В. Ларюшкин</i>	
Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII – начале XIX в.	121

Скандал и политика в Императорской России

<i>А.А. Иванов</i>	
Несостоявшиеся дуэли П.Н. Милюкова	128
<i>Д.А. Коцюбинский</i>	
Первые публикации о Г.Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.).....	143
	221

<i>А.И. Феклистов</i> Возникновение «Сухомлиновской комиссии»	152
--	-----

Человек в потоке времени

<i>С.Р. Глазунов</i> А.А. Микулин и становление фабричной инспекции в России в 1882–1917 гг.	160
--	-----

Профессия и сообщество

<i>С.А. Саломатина</i> Банковский кредит в Российской империи в 1860–1914 гг.: современные концепции и новые данные	170
---	-----

Обзоры и рецензии

<i>Н.В. Козлова</i> – Е.Н. Марасинова. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания	188
<i>М.И. Роднов</i> – В.Н. Никулин. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века)	192
<i>И.М. Пушкарёва</i> – Т.М. Китанина. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций	194
<i>А.М. Ипатов</i> – А.А. Иванов. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли	198
<i>А.А. Чемакин</i> – «1920 год» и «Три столицы» В.В. Шульгина: новое издание	199
<i>А.С. Пученков</i> – От Сибири до Крыма... Обречённость белых?	204
<i>Н.А. Михалёв, Н.В. Суржикова</i> – Н. Rappaport. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917 – A World on the Edge	208
<i>О.И. Капчинский</i> – <i>Новое исследование о партии и правительстве</i>	215

Pro memoria

Н.В. Сеницына (1936–2018)	215
Наши авторы	219

CONTENTS

The historian's opinion

V.V. Kondrashin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Penza State University, Russia). Collectivisation's influence on Russian history of 20th century	3
<i>H. Okuda (University of Tokyo, Japan): On the question of the preconditions for collectivization: the mood of workers of grassroots party and Soviet structures during the NEP</i>	14
<i>G.E. Kornilov (Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of History and Archeology): Agrarian policy of Stalinism: collective farm life after collectivization</i>	17
<i>V.P. Popov (Moscow Pedagogical State University, Russia): «Zakroma Rodiny»: to the question of the state reserve of bread in Soviet Russia (1917–1953)</i>	24

History of power

<i>P.A. Mistryugov (Samara State Medical University, Russia)</i> The daily service routine of the Samara Region Revolutionary Tribunal officials during the Civil War.....	35
<i>A.A. Shchelkunov (National Mining University, Dnepr, Ukraine)</i> Complete investigative forgery as a tool of the Great Terror.....	43
<i>O.V. Khlevniuk (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i> Soviet ministries and decentralization of economic administration during the Great Patriotic War.....	58
<i>A.I. Pozharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The secret provision on the KGB at the Council of Ministers of the USSR in 1959: an attempt to create a legal basis for the activities of special services.....	73

Source studies

<i>O.V. Novokhatko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Notebooks of «all sorts of cases» in the orderly management	83
---	----

Institutes and communities

<i>D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i> «We brought a hundred rubles in money from the Ustyug people»: Zemsky worlds and central authority in the Moscow state of the 1610s–1620s.....	90
<i>M.B. Bulgakov (Moscow, Russia)</i> Local trading in Suzdal in the 17 th century.....	111
<i>O.V. Lariushkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Moscow merchants of gypsy origin in the late 18 th – early 19 th century.....	121

Scandal and politics in Imperial Russia

<i>A.A. Ivanov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i> Failed dueling of P.N. Miliukov	128
<i>D.A. Kotsyubinsky (Saint Petersburg State University, Russia)</i> The first publications about Grigory Rasputin in the Russian press (end of 1909 – beginning of 1910)	143
<i>A.I. Feklistov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> The emergence of the «Sukhomlinov Commission»	152

Man in the stream of time

<i>S.R. Glazunov (Vladimir State University, Russia)</i> A.A. Mikulin and the realization of the factory legislation in Russia, 1882–1917	160
--	-----

Professional community

<i>S.A. Salomatina (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Bank credit in the Russian Empire in 1860–1914: contemporary concepts and new data ...	170
--	-----

Reviews

<i>N.V. Kozlova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Rec. ad op.: E.N. Marasimova. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: Ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya	188
<i>M.I. Rodnov (Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: V.N. Nikulin. Krestianskiie promysly na Severo-Zapade Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka).....	192
<i>I.M. Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: T.M. Kitanina. Rossiia v Pervoy mirovoy voine 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaiia politika. Kurs lektsiy.....	194
<i>A.M. Ipatov (The Zhukovsky–Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia)</i> Rec. ad op.: A.A. Ivanov. Vyzov natsionalizma: Lozung «Rossiia dlya russkikh» v dorevoliutsionnoy obshchestvennoy mysli	198
<i>A.A. Chemakin (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i> «1920» and «Three Capitals» of V.V. Shulgin: a new edition.....	199
<i>A.S. Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i> From Siberia to the Crimea... White’s denunciations?	204
<i>N.A. Mikhalev (Institute of History and Archaeology, Ural Division of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg), N.V. Surzhikova (South Ural State University, Chelyabinsk; Institute of History and Archaeology, Ural Division of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)</i> Rec. ad op.: H. Rappaport. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917 – A World on the Edge.....	208
<i>O.I. Kapchinskiy (Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia)</i> The new Research about Party and Government	213

Pro memoria

N.V. Sinitsyna (1936–2018)	215
Contributors to this issue	219

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.	
Круглов В.Н., к.и.н.	– Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н.	– Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	– Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	– Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	– Литературный редактор
Мац А.Г.	– Младший редактор